

Когда наступит завтрашний день

Буквально за несколько лет европейская политическая культура чудовищно деградировала. Где высокие идеалы? Где моральные принципы? Где элементарная порядочность? Они принесены в жертву низменной политической конъюнктуре.

Никого больше не интересуют такие, вроде бы, нетленные ценности, как честь, уважительное отношение к другим, справедливость, достоверность и т.п. На смену доказательствам пришли голословные утверждения, стремлению к установлению истины – ложь и лицемерие. Долгосрочной стратегией больше даже и не пахнет.

Единственно о чем все думают – это о своем шкурном интересе и элементарном политическом выживании. Ради них и правые, и левые, и не поймешь, кто пускаются во все тяжкие. Если так и дальше пойдет, может случиться всё, что угодно. Тогда и до большой беды недалеко...

Муравей не понял, как так получилось. Он бежал себе спокойно за новой порцией продуктов для муравейника с пустой корзинкой наперевес по дорожке, протоптанной миллионами ножек его соплеменников, в окружении всех остальных, когда вдруг получил удар в бок. Удар был настолько резким, что его выбросило далеко в сторону.

Либо он задумался и не заметил препятствия, на которое напоролся на полной скорости. Либо просто его кто-то сильно толкнул. Других объяснений не было. Но если последнее, его распирало он благодарности обидчику.

Скатившись в сторону, Муравей оказался на малюсенькой полянке, буквально усыпанной роскошными лесными ягодами. С дорожки полянку невозможно было разглядеть – ее заслонял частокол чертополоха, поднимающегося из непрístupной высокой жесткой травы.

Муравей впал в эйфорию. Он в восторге бежал от ягоды к ягоде и наслаждался их красотой, совершенством формы и пьянящим ароматом, который они источали. Его отрезвили лишь неожиданно упавшая вечерняя прохлада и надвигающиеся сумерки.

Надо было спешить, пока вход в муравейник не закроют на ночь. Он быстро наполнил корзинку отборной поздней земляникой и ядреными шариками черники и помчался домой.

Он успел тютелька в тютельку. Охранники, одетые в черную хитиновую броню, уже закрывали внешние ворота. Однако когда Муравей попытался прошмыгнуть мимо них, они подняли его на смех. Он не сразу понял, почему. Когда понял, всё в новом сжалось от обиды и разочарования – вместо сочных свежайших ягод его корзинка оказалась набита противной вонючей гнилью.

Как это случилось, как он мог так ошибиться, Муравей себе не представлял. Позеленев от стыда, сопровождаемый насмешками охранников, он потащился к ближайшему болотцу и с берега высыпал в него содержимое корзинки.

Какое-то время отборные сочные ягоды, издевательски покачиваясь на расходящихся кругах, лежали на поверхности. Затем болото, сладострастно чавкнув, поглотило их.

Чуть позже и Муравья, бросившегося им на выручку...

I

- Эний! Прекрати на меня пялиться! - голос Учительницы дрожал от негодования.

- Я не пялюсь, - хладнокровно отвел ее психопатические обвинения Эний. - Вы велели смотреть вам в рот, чтобы не упустить ни одного слова, ни одного объяснения. Я и смотрю.

- Прекрати, Эний! Последний раз предупреждаю, - возмущению в голосе Учительницы не было предела. - Смотри в тетрадь. Под стол. В стену. Куда угодно. Но только не на меня. Иначе я за себя не ручаюсь.

- Но Мария Ильинична! - попытался ее урезонить Эний. - Какой толк смотреть под стол или в стену. Там ничего стоящего нет. Ничего нового я там не увижу. А на вас так приятно смотреть. Вы так здорово, так доходчиво объясняете. Выражение вашего лица постоянно стремительно меняется. За этими изменениями так интересно следить. Я...

- Вон! - завизжала Учительница в полный голос. - Вон! И никогда больше не появляйся. Слышишь? Никогда. Запрещаю.

Для пущей убедительности она швырнула в спину уходящему чудовищу свою сумочку. За ней последовали классный журнал и все другие предметы, лежавшие на столе...

II

Совершенно неожиданно кабина остановилась на третьем этаже, и створки лифта открылись. Все попытки Эния и старушки, поднимавшейся вверх вместе с ним, как-то повлиять на взбунтовавшуюся технику, не увенчались успехом.

Эний вышел на лестничную клетку. Вслед за ним из кабины выбралась старушка, еле-еле волоча огромную авоську, под завязку набитую покупками. Видимо, ей помогли донести ее до лифта, а то, что он заартачится и не станет подниматься на нужный этаж, никто не предполагал.

Под умоляющим взглядом старушки Эний взвалил на себя тяжеленную поклажу и, покрхтывая, стал подниматься по лестнице. Бедняжка жила на верхнем этаже, и тащиться предстояло порядочно.

Сначала, чтобы хоть как-то скрасить подъем, он попробовал ее о чем-то расспрашивать. Но от этого быстро отказался - надо было беречь дыхание. Потом он начал считать ступени. Однако от этого сделалось только хуже.

Очень быстро Эний выдохся, запыхался, и ему всё осточертело. Однако альтернативы не было. Не бросать же старушку на полпути с ее неподъемным баулом. Поэтому, героически преодолевая усталость, после энного количества передыхов, он всё-таки добрался до самого

верха.

И тут ему страшно захотелось посмотреть, как все затащенные им наверх вещицы полетят вниз. Как будут рваться и рассыпаться пакеты и взрываться заклеенные коробочки. Как какофония всё дальше удаляющихся звуков наполнит собой лестничные проемы.

Эний не мог удержаться от соблазна. Он поставил авоську на перильца лестницы и толкнул. Под стенания и причитания старушки все ее замечательные покупки полетели вниз. Они шмякались о каждый пролет, всё больше и больше разбиваясь, на секунду задерживались и дальше устремлялись в небытие...

III

От первого субботника Энию удалось отвертеться. От второго тоже. Но на третий раз ему такой возможности не дали.

В тяжелых резиновых сапогах он месил грязь вместе с остальными. Что-то собирал, складывал и куда-то нес. А потом ему дали лопату и поручили делать клумбу.

Копать тяжелую, плотно утрамбованную глину, с которой давно вымыло тонкий слой плодородной земли, уже само по себе было занятием неблагодарным. Тем более пытаться придать переворачиваемым пластам хоть какое-то подобие клумбы.

Но это-то бог с ним. С этим Эний, может быть, еще справился. Хуже обстояло дело с тем, что выковыривать грунт и как-то правильно располагать его мешали корни растущих рядом деревьев.

Они были повсюду. Толстые. Жилистые. Появляющиеся именно там, где не надо. К тому же намеренно переплетающиеся для того, чтобы помешать цивилизаторским намерениям.

Какое-то время Эний с ними боролся вручную. А потом плюнул – сбегал за хорошо отточенным увесистым топором и принялся рубить всё, что ему мешало.

За этим занятием его и застала высокая комиссия градоначальника и общественности. Но Эний уже вошел в раж. Его было не остановить. Как раз когда к нему все подошли и сгрудились вокруг него, он обнажил еще один толстенный корень, правда, нетипичного серебристо-стального цвета и нанес по нему мощный выверенный удар топором.

Труба не выдержала такого обращения и рассыпалась. Тотчас в воздух взметнулся фонтан раскаленного пара и кипятка, обжигая ладони и лица всех подвернувшихся под руку. Не пострадал лишь сам Эний, успевший вовремя отскочить в сторону...

Прошли годы. Лидерских качеств и нахрапистости Энию было не занимать. Он стремительно поднимался вверх по карьерной лестнице. Еще одной ступенькой стало его блестящее избрание в высший представительный орган страны. От кого – не будем уточнять. Теперь можно было развернуться по-настоящему.

- Вношу предложение, - заявил он не дрогнувшим голосом на первом же пленарном заседании.
- Наши соседи совсем распоясались. Мнят о себе неизвестно что. Предлагаю нанести по ним упреждающий удар ракетами малой и средней дальности с ядерными боеголовками. Пусковые установки к границе уже выдвинуты. Соответствующая резолюция подготовлена и всем членам Конгресса роздана.

Прошу голосовать. Тех, кто сдуру выскажется против, будем считать подонками и предателями Родины. Приступаем к голосованию вставанием. Электронный подсчет голосов можно не включать. Поехали...

© *Н.И.ТНЭЛМ*